

Комбинированные культуры были уроком, полученным италийскими хозяевами от кампанских греков; начиная со II в. расширена была только сфера приложения этого урока. Хозяину незначительно было отказываться от хлебных посевов в своем маслиннике или *arbustum*: тот и другой сам по себе требовали, по крайней мере, двукратной вспашки: для засева надо было добавить еще немного работы и некоторое количество верна, возвращавшегося с лихвой. С остальными работами: мотыженем, прополкой, жатвой, которые как раз требовали большого числа рабочих рук, хозяин справлялся с помощью издольщиков.

Попробуем теперь приблизительно определить, какой доход добавочно получал Катон со своего масличного сада, засевая его хлебом.

Мы видели уже, что ежегодно заседалась одна половина всей площади сада, т. е. 120 югеров. Варрон говорит, как об урожае обычном, об урожае в сам-10. Сократим из осторожности эту цифру до сам-6: допустим, что с югера урожай был только 30 модиев; 6 модиев получал издольщик, 5 модиев шло на посев; у Катона, следовательно, оставалось 19 модиев с югера, т. е. со всего участка круглым числом 2 000 модиев, за которые он получал чистых 6 000 сестерциев. Не было смысла отказываться от такого большого и так легко дающегося дохода, тем более, что доход этот был верным: Италия нуждалась в собственном хлебе. В военное время, — а первая половина II в. была временем почти непрерывных войн, — когда в строю находилось легионов восемь, весь сицилийский хлеб шел на армию. Если количество войска доходило до 10—12 легионов, приходилось еще прикупать хлеб в Африке и в других местах. Иногда этот добавочный хлеб Рим получал в качестве подарка, например от Масиниссы. В мирное время, когда армия состояла из 5—6 легионов, на нее шло 720 000 модиев — примерно вся обычная сицилийская десятина. Очень малая часть этого хлеба могла поступить на римский рынок. Италия должна была сама снабжать себя хлебом. Начиная с 194 и до 164 г. включительно, население Италии все время увеличивается. К числу свободных надо прибавить еще большое количество рабов, захваченных в военное время. Местный рынок требовал хлеба, и как крестьянину, так и крупному землевладельцу, было выгодно это требование удовлетворить. Мы не знаем хлебных цен в провинциальной Италии — где-нибудь в Помпеях, в Капуе или в Лавренте, но как бы они ни были [низки (а вряд ли они были значительно ниже римских), обработка хлебного поля и его засев обходились хозяину еще дешевле, и хлебное поле обещало ему неизменный доход. Хозяин катоновского времени никак не упускает его из виду: недаром же Катон, писавший в своей книге только о том, что он считал важным и нужным, посвятил полемому хозяйству две подробные главы (34 и 35), представляющие собой сводку всего полеводческого опыта предшествующих поколений. Если бы полевое хозяйство в крупном имении отмирало, вряд ли бы эти главы у него появились.

М. Е. Сергеенко

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПОМПЕЯ ТРОГА

Несмотря на наличие огромной литературы об историках древнего мира и их отдельных произведениях, вопросы античной историографии нельзя считать достаточно разработанными. Это объясняется тем, что исследователи нередко ставили перед собою преимущественно источниковедческие задачи, не задаваясь целью схарактеризовать более или менее всесторонне тот или иной момент в развитии греческой или римской

историографии в полном смысле этого слова. Под исследованием вопросов античной историографии автор понимает изучение античного историка как представителя определенного направления в науке, связанного многообразными нитями с общественно-политической обстановкой своего времени и с традициями, сложившимися в области исторического исследования. При этом изучении необходимо учитывать социальную позицию данного писателя, его политические взгляды, концепцию исторических событий, приемы исследования, терминологию и понятия, особенности стиля и фразеологии. Выяснение этих вопросов должно определить место античного историка в развитии исторической науки древности, его принадлежность к одному из направлений, существовавших в ней, и показать, выразителем взглядов и интересов каких социальных групп он является.

При изучении античной историографии всегда придется считаться с тем, что из огромного историографического наследия древности сохранилось сравнительно немного, что о многочисленных, иногда в высшей степени замечательных авторах мы знаем нередко лишь на основании позднейшей, мало искусной и искажающей оригинал обработки или скудных фрагментов, что произведения других вовсе не дошли до нашего времени. При таких условиях показ того, как органически работа данного автора увязывается с понятиями и нравами общества его времени и с исторической традицией, может показаться невыполнимым. Тем не менее, если даже в иных случаях разрешить эту задачу нельзя, поставить ее, мне кажется, следует, так как только тогда мы будем, по крайней мере, ясно представлять себе, чего нам недостает. В настоящей работе автор не предполагал браться за разрешение подобной, в высшей степени сложной и трудной задачи по отношению к Помпею Трогу; он хотел бы сделать первые шаги в этом направлении, а именно наметить некоторые немногие, но важные моменты в анализе обширного произведения римского историка, которые в дальнейшем помогут нам понять его место и значение в развитии античной исторической науки.

По отношению к «*Historiae Philippicae*» мы находимся в своеобразном и особенно затруднительном положении. Об этом крупном произведении в 44 книгах мы знаем почти только из позднейшей компиляции Юстина, который произвольно сократил и часто до неузнаваемости искажал его. Труд Помпея Трога, как это было установлено уже давно, представлял собою в значительной мере изложение греческого оригинала. Таким образом, мы имеем дело по меньшей мере с двукратной переработкой, притом несомненно в том и другом случае очень менявшей первоначальное изложение. А между тем Помпей Трог был одним из крупных историков времени принципата Августа. Из всей довольно многочисленной, но известной нам большей частью лишь по именам плеяды римских историков этого времени мы знаем в сущности только двух: Тита Ливия и Помпея Трога. Перед нами труд, характеризующий сравнительно ранний и важный период римской историографии. С другой стороны, только в «*Historiae Philippicae*» мы имеем работу, в которой дается связный, хотя и краткий (в изложении Юстина), рассказ о всем эллинистическом периоде. Если об истории походов Александра сохранились более подробные и нередко более достоверные сведения, то для периода борьбы диадочов (после 301 г. до н. э.) и эпигонов для целых разделов истории эллинистической эпохи, например для истории царств в Бактрии и Парфии, «*Historiae Philippicae*» представляют нечто единственное и сохраняют и сейчас большой интерес как для изучающего эпоху эллинизма, так и для историка Рима.

До сих пор остаются недостаточно выясненными задачи, которые ставил перед собою автор «*Historiae Philippicae*», главные черты его общей всемирно-исторической концепции, содержание основных историко-философских, моральных и психологических понятий, которыми он оперирует. Лишь изучение этих вопросов в их внутренней связи, не по отношению к отдельным деятелям или историческим моментам, взятым изолированно, а на протяжении всего изложения Трога, позволит подойти и к проблеме политической направленности «*Historiae Philippicae*». В дальнейшем автор предполагает выяснить некоторые из основных понятий, с которыми мы встречаемся в этом труде и которые характерны вместе с тем для целой полосы в развитии античной историографии.

Труд Помпея Трога представлял собою обширное произведение в 44 книгах. Обработка Юстина—небольшая книга, сохранившая, впрочем, первоначальное деление на 44 книги. Время переработки не может быть точно установлено: Юстин жил, повидимому, во II в.¹ В своем предисловии он говорит о великой задаче, поставленной Трогом, этим, как он его называет, *vir priscae eloquentiae*, потребовавшей для своего решения великих духовных и физических сил. Он сравнивает его с Геркулесом. Помпей Трог использовал,² отбросив ненужное (*omissae quae sine fructu erant*), материалы греческих историков, но распределил их по периодам и привел в порядок данные о событиях. К сожалению, задача компилятора, по его собственным словам, была совсем иная. Юстин стремился, выпуская все, что казалось ему нелюбопытным и не являющимся поучительным образцом (*quae nec cognoscendi voluptate jucunda, nec exemplo erant necessaria*), составить своего рода *florilegium* (*florum corpusculum*). Он надеется, что его работа будет для потомков свидетельством о его прилежании. И действительно, в IV и в особенности в V и следующих веках компиляция Юстина получила широкое распространение. Уже и Августин и Орозий имели перед глазами только обработку Юстина. Она сделалась самым популярным пособием по всеобщей истории. Между тем известно, как произвольно и неполно это пособие составлено, как мало в некоторых книгах осталось от первоначального текста, и это обстоятельство побуждает к осторожности, к необходимости постоянно учитывать безжалостную руку компилятора, искажающую когда-то существовавшее огромное и стройное целое. Средством некоторого контроля при этом служат *prologi*, составленные в III в. и дающие, правда, очень неравномерно, для отдельных книг перечень их содержания. Изучение этих прологов, их сравнение с изложением Юстина позволяют составить более правильное представление о композиции и главных чертах этого труда.

Источники, которые были использованы Помпеем Трогом, чрезвычайно многочисленны, а способ их использования сложен и многообразен. Логографы и Геродот, Фукидид, Ктесий, Феопомп и Эфор, Дейнон и Гиероним из Кардии, Клитарх, Тимей Полибий, Филарх, Мегасфен, Диокл из Пепарета, Посидоний, неизвестный автор сочинения по истории Бактрии и Парфии, римские анналисты и некоторые другие—такова пестрая картина тех материалов, которые были в очень искусной и детальной обработке даны уже в том греческом произведении, которое послужило основным источником для Помпея Трога; кое-что, несомненно, было добавлено и римским автором.

В настоящей работе автор вовсе не ставит своей задачей изучение этого сложного вопроса об источниках «*Historiae Philippicae*» в целом или частях. Да и едва ли его возможно разрешить вполне удовлетворительно для многих частей этого труда ввиду краткости изложения и скудости содержания переработки Юстина, хотя в некоторых случаях можно выделить разнообразные источники и показать направление, в котором шла их обработка. Одним из самых существенных вопросов является при этом проблема использования Трогом труда греческого историка Тимагена *περί Φιλίππων*. В настоящей работе «*Historiae Philippicae*» рассматриваются композиционно как нечто цельное. Я не задавался целью решать указанную проблему значения произведения Тимагена. Считать ли долю самого Трога значительной в идейном содержании его произведения или относить своеобразную и сложную историческую концепцию, которую мы находим в этом сочинении, целиком за счет Тимагена или другого автора, на данной стадии исследования это не имеет существенного значения. Можно сказать наоборот, что изучение основных понятий, которыми оперирует историк, и его общего понимания исторического процесса может дать некоторые опорные пункты и для суждения о роли римского историка и о степени его зависимости от греческого оригинала, которая в основном является достаточно доказанной. Мне хотелось обратить внимание не на фактический материал или способ его использования в тех или иных частях «*Historiae Philippicae*», но на его общее оформление, на понимание этого материала автором, которое сказалось во всех основных частях его обширного произведения.

¹ Некоторые исследователи относят его к III в. н. э.

Развитие историографии поздней эллинистической эпохи, как показывает прежде всего произведение Полибия, отличается большой сложностью. В это время существуют многочисленные и очень разнообразные по поставленным задачам, приемам изложения и характеру изложения исторические работы. Выработалась своеобразная и обширная историческая терминология. нередко в сходных по теме произведениях авторы преследовали различные цели и шли разными путями. Поэтому недостаточно отнести данное произведение к определенному историческому жанру или отметить общие тенденции его автора, необходимо, по возможности, отдать себе отчет в особенностях его исторической концепции, в том, как он понимает и освещает исторические факты. У Трога мы находим совершенно определенную схему исторического развития и характеристику его сущности.

Особенно понятие, которым он пользуется на протяжении всего труда, это понятие *imperium*. До сих пор, однако, нам кажется, обращалось недостаточное внимание на вопрос о том, как возникновение римской державы отразилось в сознании людей того времени, каково отношение и оценку встретила римская завоевательная политика в античной историографии и публицистике. Ведь не только у Полибия проблема образования римской державы и ее государственного строя стояла в центре внимания автора, но и в ряде других трудов II—I вв. до н. э. Посидоний и Диодор Сицилийский, Ливий и Дионисий с разных сторон подходили к факту образования римской мировой державы, но у всех них этот факт служит до известной степени отправным пунктом их работ. В сочинении Помпея Трога понятие империя является одним из центральных. Не только события всемирной истории представлены им в рамках истории мировых держав, сменяющих одна другую, причем среди них главную роль играет великая македонская монархия, но и в самое понятие *imperium* вложено достаточно определенное содержание, остающееся тем же на протяжении всего сложного, представляющего нередко настоящую мозаику в отношении использованных источников, произведения. Однако *imperium* у Трога—это не только общее понятие державы, но особая система господства, характеризующаяся совершенно определенными признаками. Историк не раз останавливается на вопросе об ее возникновении, развитии и упадке. В общем перед читателем рисуется следующая картина.

В начале своего исторического развития народы (*populi, gentes, nationes*) не имели законов (*leges*). Власть принадлежала царям (I, 1 сл.). Это доправовое состояние представлено в «*Historiae Philippicae*» на примере некоторых племен, особенно же на примере скифов.

Однако такое первоначальное «естественное» состояние, которое пережили и другие народы, сменилось иным: периодом установления *imperium'a*, господством произвола и захватнических стремлений. Вместо умеренности (*moderatio*) первых людей в государстве (*principum*) выступают царская прихоть и произвол (*libido*). Первым из основателей империя, кого называет Помпей Трог, был ассирийский царь Нин. Здесь нет возможности останавливаться на вопросе о том, как разрабатывалась в историографии конца республики давно, еще к концу V в., сложившаяся у греков традиция о Нине и Семирамиде. Отмечу только черты, помогающие выяснить понятие *imperium*. Нин изменяет древнему и как бы прирожденному обычаю (*mos*): с него начинается жажда новой власти (*novi imperii cupidus*). И до Нина, признает Трог, были великие завоеватели: Сесострис в Египте, Танаус, царь скифов. Но их войны носили иной характер. И здесь, в первой главе первой книги, и в дальнейшем изложении Помпея Трога проводится несомненное различие между войнами в зависимости от их мотивов. Для властителей империи, подобных Нину, характерны прежде всего войны с соседями (*bella cum finitimis*), направленные на захват и длительное использование соседской территории. Этот захват служит базисом для дальнейшего расширения державы, распространяющейся на всю часть света или позднее на весь *orbis terrarum*. Цель завоевателя—создание империи, огромного комплекса подвластных земель (*continua possessio*), а не только победа над врагом и приобретение славы. Наконец, важно отметить еще одну черту войн, которые ведут

создатели империй: они направлены на приобретение личной власти¹. Владения Нина охватывают уже весь Восток, так же как впоследствии держава Кира.

Изменению характера войн, созданию обширной завоевательной державы соответствует—и это важно для уяснения точки зрения автора—изменение во нравах. Вместо *virtus* появляется *libido*, вместо умеренности (*moderatio*) высокомерие (*superbia*), жестокость (*crudelitas*) и жажда роскоши (*luxuria*). Сказывается это уже при ближайших преемниках Нина. При Сарданапале (I, 3, след.) наступает пора изнеженности (*effeminatio*), восточной роскоши. Появляются те детали роскошного царского обихода, которые так настойчиво указывает в дальнейшем Помпей Трог, рассказывая о переменах, последовавших при Александре Македонском (ср. XII, 3, 8 след.). Уже в начале труда римского историка звучат мотивы, еще более подробно разработанные в связи с основной темой—историей Македонской державы. Толпы наложниц окружают Сарданапала, он носит порфиру, женское одеяние и пр. Внешнему виду соответствует моральная слабость: сладострастие, жестокость, стремление к пышности. Естественно, что та противоположность состояния общества и государства, нравов и стремлений, которую Помпей Трог обнаруживает уже на заре исторического развития, сохраняется для него все свое значение и в дальнейшем, когда он следит за судьбой отдельных, исторически сложившихся государств. Мы встречаем у него сходные суждения, оценки и термины при изложении истории Афин и Спарты, Македонии и Сицилии, Парфии и Рима. Представители завоевательных стремлений, агрессоры, как мы их назвали бы, рисуются у Трга резкими, а иногда крайне отрицательными чертами. Ксеркс, организовавший великий поход на Грецию, первый в бегстве, последний в сражении, высокомерный при отсутствии опасности, сам считает себя как бы владыкой природы. Он—«ужас народов» (III, 1, 1, ср. II, 10). Неумеренное стремление к власти, широкая завоевательная политика возбуждали страстную ненависть. Великую, например, ненависть снискали афиняне своей жестокостью в необузданных стремлениях к установлению державы (*immoderati imperii*—V, 1, 6). Агафокл, только по прибытии в Африку открывший свой замысел войнам, говорит о различии ведения войны на своей и чужой территории. Последнее выгоднее и потому еще, что союзники неприятеля отпадают, обращаясь к внешней помощи, вследствие ненависти к долготрениваемой власти (*odio diuturni imperii*—XXII, 5, 4).

Установление *imperium* и приводит к рабству (*servitus*) покоренных народов. Греция оказалась под ярмом рабства уже при Филиппе, положившем основание мировой империи (XXX, 3, 9). Александр надел это ярмо рабства на Персию (XI, 14, 6 сл.). Этолийцы ставят себе в заслугу, что они одни относились с презрением к *imperium Macedonicum* в то время, как вся Греция была поработана Филиппом. В таких же словах и трижды на протяжении труда характеризуется позиция Спарты по отношению к Македонии при Филиппе и Александре. *Imperium* противопоставляется *libertas*. Филипп V полагает, что македоняне должны настолько лучше сражаться с римлянами, чем с другими народами, насколько свобода дороже *imperium*'а (XXX, 4, 6—7). Жители Тира считали бы позорным, если их женщины (имеется в виду Дидона-Элисса) обнаружили бы большее присутствие духа в стремлении к созданию державы (*imperium*), чем они сами, защищая свою свободу (XI, 10, 13). Из всего того, что было сказано, видно, что понятие *imperium* у Помпея Трга имеет определенное содержание и играет существенную роль в освещении исторических фактов. Как же представляется ход всемирной истории в изложении автора «*Historiae Philippicae*»?

Учение о мировых империях древнего происхождения: в форме представления о смене трех великих царств оно служило для изложения исторического материала несомненно уже в IV в.—у Феопомпа. Уже этот историк, следуя Ктесию, отнес к одному году конец ассирийского царства и начало мидийской державы. К этому же времени он приурочил и начало македонской монархии, которая в его изложении занимала в ходе всемирной истории последнее и самое важное место. Последующие историки

¹ Ср., VI, 8, 4—5: Эпаминонд *imperium non sibi semper, sed patriae quaesivit!*...

конца IV в. (например, Дейнон) и эллинистической эпохи пошли по этому же пути дальше с некоторыми вариантами. Позднее к трем великим «империям» прежнего времени присоединяется четвертая, римская, и возникает таким образом учение о четырех мировых державах.

Эта теория получила широкое распространение и не раз уже в начале принцепата являлась основой всего исторического построения, как об этом свидетельствуют труды Дионисия Галикарнасского и Помпея Трога. Самую идею смены великих империй эти историки таким образом нашли в литературе своего времени, но идея могла получить различное развитие. Своеобразное ее применение к конкретному историческому материалу у Помпея Трога давало ему возможность определить свою позицию по отношению к самым острым проблемам современной ему международной жизни.

В связи с понятием державы (*imperium*), которое является одним из основных понятий в исторической концепции Помпея Трога, находятся и его взгляды на характер и особенности войн. Уже в начале труда, говоря об образовании при Нине первой мировой державы—ассирийской,—Трог замечает: «Он [Нин] первый начал войны с соседями, покорил народы, неопытные до того времени в организации сопротивления, и раздвинул границы до Ливии» (I, 1, 5). Отличием деятельности тех завоевателей, которые не создавали себе державу, но совершали походы для доставления славы своим народам, и было то обстоятельство, что они вели войны с отдаленными народами (*bella longinqua*), а не с соседями. И на этот раз эта своеобразная терминология не связана лишь с определенным историческим моментом или, как можно было бы ожидать, с определенным источником: эти указания на значение *bella finitima* (или *bella cum finitimis*) и на связь с образованием державы проходят буквально через все произведение и, следовательно, не могут быть отнесены к единичному или случайному заимствованию у того или иного автора, но должны рассматриваться как часть общей исторической концепции Помпея Трога. Особенно резко звучит этот мотив о войнах с соседями при изложении истории завоеваний Филиппа II. Македонский царь в Каппадокии хитростью берет в плен и затем убивает соседних царей (VIII, 3, 6), а на Балканском полуострове подчиняет путем обмана дарданов и других соседей (VIII, 6, 3 сл.). Дионисий Старший покоряет соседние племена в южной Италии (XX, 1, 4). Агафокл, снарядив армию, неожиданно нападает на соседние города, не опасавшиеся никаких враждебных действий (XXII, 3 1.). Кассандр не может принять участия в борьбе Птолемея и других с Антигоном, занятый войной с соседями (*propter finitimium bellum* XV, 2, 17). И отдельные властители и целые племена увеличивают этим способом свои богатства (*opes*). Деметрий, сын Селевка IV, решил умножить свои средства войной с соседями (XXXV, I, 1). Бруттий готовы причинить несправедливости соседям. Заключив мир с луканами, которые также обычно захватывают добычу с полей соседей, они остальных соседей покорили оружием и в короткое время собрали такие богатства, что сделались опасны даже царствам (XXIII, 1, 14). Война с соседями является нередко началом и подготовкой дальних походов. Митридат в Парфии вел великие войны с соседями и многочисленные народы присоединил к Парфянскому царству (XL II, 3, 1). Галлы после покорения Паннонии в течение многих лет вели различные войны с соседями, а потом уже двинулись—одни в Грецию, другие в Македонию (XXIV, 4, 5). Антиох укрепляет свою армию многочисленными войнами с соседями и лишь позднее ведет ее в поход против Парфии (XXXVIII, 10, 1). Соседние племена ненавидят государства, ведущие эти захватнические войны. Дарданы питают «неумирающую ненависть» к Македонии (XXIX, I, 10). Наоборот, Птолемей, который в изображении Помпея Трога представляет противоположность завоевателям—захватчикам, пользуется у соседей популярностью: он собирает себе средства (*opes*) не нападениями на них, но умело направленной энергией (*solerti industria*); он покоряет соседних царей благодеяниями и снисхождением (*obsequiis*—XIII, 6, 18—19). *Bella finitima* занимают определенное место в процессе роста державы: они характеризуют первоначальную стадию этого процесса, для обозначения которой Помпей Трог пользуется особым термином «*incrementa*». История Рима кратко рисуется следующим образом (XLIII, 3, 2): тогда и у соседей (*vicini*), презирающих браки с пастухами,

похищаются девушки-сабинянки, и после покорения оружием соседних народов (*finitimi populi*) римляне домогаются власти (*imperium*) сначала над Италией, а вскоре и над всем миром. Если мы вспомним, какое огромное значение имел в античности пограничный мир—соблюдение границ находилось под защитой богов,—эти нападения на соседей, о которых постоянно говорит Трог, будут представляться действительно как нарушение самых священных прав, как нарушение международных установлений.

История македонской монархии (кн. VII—XII) занимает центральное положение в труде Помпея Трога. Македонское государство является, повидимому, в его глазах величайшей из мировых держав. Поэтому понятен тот интерес, который вызывает характер его изложения в этом случае. Название его труда свидетельствует о значении, которое придавал автор во всемирной истории Македонии и, в частности, основателю ее могущества Филиппу II. И по отношению к Македонии он начинает с ее первоначальной истории (*origines*). Имя ее—первоначально низкое и темное, первые шаги македонских царей—скромные, но древнейшая ее история—основание македонского царства и деятельность его первых правителей—рисует в благоприятных чертах. Эматий проявил доблесть и энергию (*industria*), Аргею была свойственна умеренность (*moderatio*); Аминта, его сын Александр, времени греко-персидских войн, другой Аминта,—все они отличались доблестью (*virtus*), обусловившей их успехи. Дарования Филиппа и древние предсказания относительно судьбы Македонии позволили с надеждой смотреть на будущее (VII, 6, 1). Со времени Филиппа II, однако, характер изложения и отношение автора резко меняются: вся история его царствования выдержана в определенных, резко отрицательных тонах. Ковнями побеждает Филипп Афины и переходит к стремительной агрессии, пользуясь всеми средствами, не стесняясь никакими моральными соображениями. Он как бы из логова (*spelunca*) строит козни против свободы всей Греции (VIII, 1, 3), поддерживает среди других соперничество, сеет рознь, навязывает всем «царское рабство». Начало этому злу (*malum*) положила Священная война. Филипп в изображении Трога отличается коварством (*perfidia*), постоянно прибегает к обманам (*dolus*), действует совершенно беспощадно как разбойник и преступник (*fraude latronis et scelere*). Нет такого права, установленного людьми или богами (*ius* и *fas*), которое он оставил бы неоскверненным (VIII, 3, 13). Разрушение городов, продажа в рабство женщин и детей, разграбление храмов, прямое пиратство—вот его политика (VIII, 3, 1 сл.). Даже на суд, о котором его просят, он идет как на войну (VIII, 3, 15). Главным мотив его—захват добычи. Филипп прибегает к убийствам, обманывает своих союзников. Отчетливо выступают характерные черты морального облика этого завоевателя: известна его жестокость, он действует под влиянием низменных побуждений (*libido*—VIII, 5, 7). Греция—жалкое зрелище. Но в ней даже громко плакать нельзя из опасения кары тирана. Филипп не останавливается перед *stuprum*, добывает деньги ежедневными грабежами, военные расходы возмещает новыми войнами. Победа его означает конец греческой свободы. Беспощадно он расправляется с вождями греков (*principes*).

Дружбу Филипп ценит лишь с утилитарной точки зрения. Другой характерной чертой его является лицемерие (*simulatio*): он умеет, ненавидя, принимать вид благожелательности. Результат его деятельности—установление несправедливого рабства. Так представляется личность основателя державы, который заложил, по выражению автора, основы ее мирового могущества (*orbis imperii fundamenta*—IX, 8, 21).

Власть переходит к Александру. В основном тон автора, его моральные характеристики остаются теми же, хотя все же менее резки. Александр начинает с разрушения Фив и расправы с вождями Афин, а также со своими родственниками. Македонская армия жаждет богатств, это толкает ее на завоевание Востока. Битва при Иссе впервые познакомила македонян с восточной роскошью (XI, 10, 2). Победа над персами, приобретение власти над всей Азией приводит к порче нравов победителей и прежде всего самого Александра. У него, особенно после посещения храма Амона, растут надменность, гордость (*insolentia*, *tumor*—XI, 11, 12). Благоприятствующая ему судьба позволяет ему наложить «ярмо рабства» (*iugum servitutis*) на всю Азию,—автор употребляет то же выражение, что и по отношению к Филиппу. Моральная

личность Александра рисуется в общем отрицательными чертами. Он больше радуется гибели Агиса и Александра Эпирского, чем скорбит о неудаче Зопириона (XII, 1, 5), которая представляется автору как кара за безрассудно начатую войну против скифов, невинного племени, не подававшего к этому никакого повода. И в характере Александра не раз историк отмечает его коварство и двоедушие (ср. XII, 3, 1: *simulato more*). Александр превозносит себя до небес (XII, 6, 2), не терпит противоречий (столкновение с Клитом), возбуждает к себе неприязнь у побежденных народов, страх и ненависть у друзей (IX, 8, 16—18 ср. XII, 5, 1 сл.). Он истребил знатнейших из македонян (*principes*), злодейски расправился с Каллисфеном; за то, что Лисимах передал Каллисфену яд, Александр приказывает бросить его к свирепому льву, и только победа Лисимаха над зверем и обнаруженная им при этом доблесть приближают его к Александру (XV, 3, 7 сл.). *Superbia* сына Филиппа заставляет его ввести обычай *проскинесиса*. Ужас перед его именем (*nominis eius terror*) охватывает даже отдаленные народы (XII, 13, 2). Так рисуется деятельность обоих основателей могущества Македонии. Конечно, Помпей Трог воспользовался готовым материалом: образ Александра с отрицательными чертами стали рисовать уже в раннеэллинистическую эпоху. Но ведь важно отметить не только то, что в изложении Трга отразились сообщения и приемы Клитарха или другого автора: поражает определенный, целостный характер всей истории возвышения Македонии. Это возвышение несет порабощение другим народам, а сами завоеватели рисуются в значительной мере в хорошо знакомой нам схеме свирепых тиранов. Двоедушие (*simulatio*), жестокость (*crudelitas*), высокомерие (*superbia*), жажда роскоши и жадность к деньгам—таковы основные черты их морального облика, так же как и облика настоящих тиранов. Таким образом, отношение Трга к процессу возникновения величайшей мировой державы, к способам ее созидания и сплочения представляется ясным: это—отношение отрицательное.

Как показана история государств, обоснованных диадохами? Сами диадохи охарактеризованы как люди мужества и доблести, свойственных, впрочем, по Тргу и Филиппу, и Александру. Каждый из них достоин быть царем (XIII, 1, 10 сл.). Вместе с тем указывается, что их соперничество, взаимная ненависть «первых людей» разделила Македонию на две части и погубила ее. После 301 г. союзники, победители Антигона, обратили оружие друг против друга, и начались новые войны как бы сначала (XV, 4, 25). Последующая история представляется как взаимная борьба, в ней важную роль играют убийства родственников (*parricidia*), за которые виновники расплачиваются собственной гибелью. Весь дом Кассандра погиб из-за преступления, совершенного им (XVI, 2, 5); убийство Лисимахом сына Агафокла положило начало гибели его дома (XVII, 1, 5). За кровавые убийства родных несет возмездие Птолемей IV. Между Селевкидами взаимная ненависть, *parricidia*, *scelus* (убийство Береники) (XXVII, 1, 1 сл.). Антиох Гиеракс действует как разбойник (*latronis more*—XXVII, 2, 7). Все они, замечает автор, грабители Азии (*praedones Asiae*).⁴ Непрерывная цепь убийств и взаимных столкновений, составляющих фатум государств, основанных диадохами, продолжается до тех пор, пока на смену македонянам и их господству не приходит новая сила—римляне. Но, может быть, к римлянам, завоевавшим весь мир, Трог подходит иначе, подбирает для изображения их *res gestae* иные краски, дает им иную нравственную характеристику?

Место, которое занимает Рим в рамках всемирной истории Помпея Трга, очень своеобразно. Разрозненные упоминания о нем встречаются уже в первых частях «*Historiae Philippicae*»; они становятся все чаще при изложении событий начала II в. до н. э., хотя, несомненно, история эллинистических государств до XLIII кн. остается основным предметом изложения. В XLIII кн. даются лишь *origines* Рима. Задача автора здесь только обрисовать начатки Римской империи (*initia imperii Romani*—XLIII, 1, 2). Дальнейшая история Рима охарактеризована буквально одной фразой: подчинив соседние народы оружием, римляне сначала домогаются власти над Италией и вскоре над миром (XLIII, 3, 2). Таким образом, история римского *imperium* как самостоятельный сюжет отдельных книг не дается вовсе. Рим выступает лишь постольку, поскольку его история соприкасается с историей эллинистических государств. «*Historia Philip-*

рiсае» это—всемирная история до установления мирового владычества последней державы—Рима. Но отношение автора к Риму выражено достаточно ясно, хотя по понятным причинам он высказывается очень скупой и осторожно. Попытаемся собрать эти разрозненные высказывания. Мы узнаем, например, что иудеи домогались дружбы с Римом и получили свободу, так как тогда римляне легко раздавали щедрые дары из чужого добра (*facile tunc Romanis de alieno largientibus*—XXXVI, 3, 9). Деятельность римских консулов характеризуется тем, что Красса больше интересовалась добыча в царстве Аттала, чем война, ведение которой ему было поручено. Потерпев поражение, он гибнет, понеся кару за свою неразумную жадность (*avaritia*). Между его преемниками (Перпенной и Аквилем) острое соперничество (XXXVI, 4, 10). Общий вывод этой главы звучит неутешительно: Азия, покоренная римлянами, отправила в Рим со своими богатствами также и свои пороки (XXXVI, 4, 12). В других частях автор отмечает, что Рим встретил достойных соперников и не всегда вел успешные войны: Пирр оказался непобедимым в столкновениях с римлянами; в борьбе с Парфией Рим трижды терпел поражения. Он питал ужас перед Македонией, страх перед Ганнибалом. Характерной чертой римской политики является двоедушие: римляне отправляют послов к Антиоху с тем, чтобы они *sub specie legationis* занимались разведкой и интригами (XXXI, 4, 4). Не раз указывается, что римляне ищут предлога для своих агрессивных действий (против Ганнибала, против Ахейского союза). Почти не говорится о доблести римлян в связи с их завоеваниями. Создание *orbis Romanus*—результат раздоров в правящих родах эллинистического мира (*discordia*), внутреннего разлада. Причина победы Рима—*fortuna*. Судьба покровительствует Риму уже в самом начале (XLIII, 2, 5). Чудеса предвещают победу Рима в столкновении с Македонией (XXX, 4). Македония непобедима счастье Рима (*Macedones Romana fortuna vicit*—XXX, 4, 16; ср. XXXIX, 5, 3).

Но самым интересным материалом для характеристики отношения автора к Риму служат три речи, вложенные в уста этолиям, Митридату и Деметрию. В литературе указывалось, что выпады против Рима в этих речах остаются непровергнутыми, а сопоставление с приведенными выше данными, повидимому, подтверждает, что мы имеем дело с идеями самого автора, что эти речи лишь литературный прием, обусловленный, может быть, осторожностью.

Следует, однако, ближе присмотреться к содержанию этих речей. Этолийцы (XXVIII, 2) дают высокомерный ответ римлянам. Основные положения их следующие: Рим должен, прежде чем претендовать на чужую землю, прежде чем приниматься за завоевание Греции, справиться со своими врагами в Италии. В прошлом у римлян ряд неудач: они терпели поражения от пунов и галлов. От последних они не в состоянии были защитить свой город, захваченный победителями. Чтобы заставить галлов уйти, римляне должны были прибегнуть не к оружию, а к золоту. Но и теперь почти вся Италия занята галлами. Тот же мотив развивается в речи Деметрия, правителя Иллирии (XXIX, 2, 1 сл.): римляне совершают несправедливость (*iniuriam*), они стремятся к власти над всем миром и ведут войны со всеми царями. В войне с Карфагеном римлянам принадлежит агрессивная роль. Деметрий считает, что и он подвергается нападению римлян только потому, что он их сосед. Чем ближе к ним, чем благороднее царство, тем более ожесточенными врагами его являются римляне. Речь Митридата (XXXVIII, 4—7)—сложное построение, целая система аргументов за борьбу против Рима. Рим можно победить,—утверждает Митридат и приводит ряд исторических доказательств из истории и современности. Поражения римлян в Вифинии и Каппадокии, победы Пирра, шестнадцатилетнее пребывание в Италии Ганнибала, который оказался бы победителем, если бы римляне не стали действовать против него кознями и домашними интригами, галльская катастрофа—причем Митридат буквально повторяет приведенную выше мысль о том, что римляне могли лишь откупиться от галлов, а не противостоять им вооруженной силой,—все это свидетельствует о возможности победоносной борьбы с Римом. Об этом же говорят и недавние события: войны италических, гражданские столкновения, нашествие кимбров, общего натиска которых римляне не выдержали бы. Другой вопрос, дающий повод для антиримских выпадов, это—история возникновения

римского государства. Кто такие римляне? Это пастухи, которые разбоем отняли землю у законных собственников ее (*iustus dominis* — XXVIII, 2, 8—9), похитители женщин, которых не могли добыть мирным путем. Город их основан на братоубийстве (*parricidium*), стены его обрызганы братской кровью. Против этого народа-разбойника (*latronem*), по выражению Митридата, все должны поднять оружие. Римляне ведут борьбу против царей, против их величества (*maiestas*): против Евмена, Антиоха, галатов, Персея, самого Митридата. У них самих такие цари, что имена их заставляют краснеть: пастухи, сабинские гаруспики, коринфские изгнанники или рабы этрусков, рожденные в доме (*vernae*). Самое лучшее у них название, это—провище *Superbi*. Основатели государства вскормлены волчицей, и, действительно, у римлян души волков, у них ненасытная жажда крови и власти (*impetium*), жадность к богатству. (XXXVIII, 6, 7 сл.). Римляне представляют собою сброд пришельцев отовсюду (*colluvies convenarum*). В Азии они сумели возбудить только жестокую ненависть хищничеством своих проконсулов, аукционами публиканов и вечными тяжбами.

Подводя итоги сказанному, мы можем выделить следующие основные моменты в системе антиримских взглядов: а) идея несправедливости римлян (*iniuria*), только и думающих о войне и несправедливых завоеваниях; б) мысль о возможности поражения Рима: римляне терпели поражения в прошлом и могут быть побеждены; в) характеристика происхождения и нравов народа (*gentis ingenia*) как скопища бродяг с волчьими сердцами, с жаждой крови, власти и богатства. Таковы характерные черты завоевателей, преемников македонян. Сравнительно немногие упоминания о доблести и сдержанности римлян теряются среди этих выпадов.

Все это, как видно из сказанного, очень далеко от обычной концепции римской военной истории у античных авторов. Можно согласиться со словами В. Вебера о том, что со дней Пирра до дней великой эпохи II в. Рим умел свою экспансию во всем мире, в особенности на Востоке, маскировать благородными идеями. Напомню о том контрасте, который представляет с высказываниями Трога формула справедливой войны (*bellum iustum*) или мысль Цицерона в «*De republica*», о том, что римский народ, защищая союзников, овладел всеми землями. Нельзя не признать, что некоторые буржуазные апологеты римской политики, как, например, Стенсон, в своей работе по истории римской провинциальной администрации, в сущности повторяют лишь благожелательные, но весьма односторонние характеристики этой политики, сделанные уже в древности. Сочинение Трога показывает, что этой политике уже тогда давались и иные оценки.

Было уже упомянуто выше, что многие исследователи считали греческого историка, труд которого лег в основу «*Historiae Philippicae*», автором, настроенным враждебно к Риму и возвеличивающим Парфию. Поэтому следует установить, как рисуются Трогу парфяне, у которых, как говорится в начале XLI кн., как бы по разделу с римлянами теперь власть над Востоком (*penes quos, velut divisione orbis cum Romanis facta, nunc Orientis imperium est...* — XLI, 1, 1). Внимание автора к Парфии сказывается не только в книгах, посвященных изложению ее истории, но и на протяжении всего труда в отдельных замечаниях и сопоставлениях. Однако отыскать здесь определенную, якобы особенно благоприятную тенденцию по отношению к Парфии, мне кажется, нельзя. Ее правители охарактеризованы, примерно теми же чертами, что и правители Македонии IV в. Парфяне—изгнанники скифов, самого темного происхождения (*obscurissimi*). В свое время они находились в порабощении у македонян, и только счастливая судьба (*felicitas*) сделала их властелинами прежних владык. Едва ли не основной чертой их правителей является жестокость (*crudelitas*). Митридат был изгнан за свою жестокость парфянским сенатом, так же как позднее Фраат народом. На Деметрия, сына Деметрия, когда он вел войну с парфянами, благожелательно смотрят народы Востока вследствие жестокости, проявленной Араксом. Но скоро он и сам становится невыносим для своих подданных вследствие часто применения парфянской жестокости (*Parthicae crudelitatis*). Неоднократно Трог говорит о высокомерии (*superbia*) парфян. В своей характеристике врожденных склонностей и особенностей парфян автор отмечает, что это—племя надменное, склонное к мятежам и обманам, дерзкое (*ingenia genti tumida, seditiosa fraudulenta*

rogasía—XLI, 3, 7). Парфяне повинуются своим царям из страха. Рассказывая об отдельных царях, о Фраатах и Митридате, Помпей Трог не раз повторяет эту же характеристику. Фраат высокомерно и жестоко (*superbe et crudeliter*) поступил с греческой армией (за что она ему позднее отплатила). Митридат вследствие своей жестокости лишился власти (XLII, 4, 1). Другой Фраат—преступнейший из всех. Его высокомерие и жестокость (*insolentia* и *crudelitas*) приводят к его изгнанию. Если автор и упоминает о мягком обращении парфян с пленными ими Деметрием, то сейчас же спешит объяснить, что эта мягкость (*clementia*) происходит не от сострадания им присущей, но из расчета использовать Деметрия против его брата Антиоха. Даже отличавшийся доблестью знаменитый основатель Парфянского царства Арсак привык жить грабежом и разбоем (XLI, 4, 7). Начало его деятельности, это—выступление с группой разбойников (*praedones*). Наконец, свойственна истории парфян и та черта, которая так ярко выступает в изложении истории македонских государств: практика убийств родственников (*parricidia*). Ород смотрит на брата Митридата как на врага и убивает его (XLII, 4, 4). Фраат убивает отца, тридцать братьев, не останавливается перед убийством сыновей (XLII, 5, 1 сл.). Фатум Парфии в том, что преступнейший из всех (Фраат) стал ее царем (XLII, 4, 16). Замечания Трога о разделении власти над миром с римлянами недостаточно, чтобы говорить о пропарфянской тенденции Трога, тем более, что в конце XLII кн. он изображает унижение Парфии римлянами.

Если выдвигали как доказательство его антиримской тенденции мысль о том, что судьба (*fortuna*) дарует победу римлянам в их борьбе с македонянами, то почти такую же формулировку мы находим у него и по отношению к парфянам (XLI, 6, 1 сл. 1): почти одновременно, говорит он, вступили во власть в Парфии Митридат, в Бактрии—Евкратид, и тот и другой—великие мужи. Но судьба (*fortuna*), более благоприятствовавшая парфянам, возвела их под руководством первого на самую вершину власти (*ad summum... imperii fastigium*). И здесь *fortuna* оказывается решающим фактором.

Если история «империй» служит в произведении Трога общими рамками всего повествования и в большой мере обуславливает и его содержание, то это содержание оказывается значительно богаче, чем изложение политической и военной истории соответствующих государств.

Первое, что мы замечаем уже при первоначальном ознакомлении с «*Historiae Philippicae*» по сохранившимся прологам это—частое упоминание в них термина, обозначающего первоначальную историю—*origines*. Несомненно, *origines* наряду с историей возникновения и развития «держав» составляют одну из главных составных частей произведения, хотя до сих пор на это обстоятельство не было обращено достаточного внимания. Самое понятие *origines*, его содержание и история связаны теснейшим образом с развитием античной этнографии, которая, как известно, не являлась в древности самостоятельной дисциплиной, но входила в той или иной мере в исторические произведения. Огромное значение для последующего развития получило историко-философское использование этого разнообразного материала с V—IV вв. до н. э. в таких сочинениях, как *περὶ ἀέρων ὑδάτων τόπων*, в этнографических экскурсах Эфора и Феопомпа, в работах представителей школы перипатетиков и стоиков, особенно в произведениях Посидония. В результате образовалась определенная схема, совокупность приемов и характеристик, нередко переносившихся с одного народа на другой. Типологичность, характерная для многих исторических трудов эллинистической и римской эпох, особенно сильно проявляется именно в изображении ранних ступеней в развитии общества и культуры. Здесь господство определенной схемы сказывается очень ярко и приводит нередко к перенесению описаний и характеристик; черты, первоначально отмеченные у египтян, появляются при изображении скифов, позднее кельтов, германцев и пр. Несмотря на это и на необходимость крайней осторожности при оценке исторической достоверности содержания *origines*, они вообще, а у Помпея Трога в особенности, очень интересны, поскольку составляют один из существеннейших элементов его исторической концепции.

Значение *origines* прежде всего в том, что они представляют форму, которую при-

няла в древности история культуры. В этом отношении необходимо выяснить следующие основные вопросы, а именно: о связи истории культуры 1) с общей исторической концепцией данного автора, и 2) что особенно характерно для исторической литературы позднеэллинистической и раннеримской эпохи,—с философскими представлениями о развитии нравов и исторической роли различных добродетелей и пороков. Исключительное значение в этом отношении для греко-римской историографии имели труды Панэтия и особенно Посидония. Посидоний, несомненно, оказал сильное влияние и на того автора, произведение которого было использовано Трогом.

В римской литературе обработку культурной истории так же, как и самый термин *origines*, мы находим впервые у Катона, который дал в своих «*Origines*» очерк первоначальной истории италийских племен. Уже Катона интересовали вопросы о составе населения данной области, о смене племен, история отдельных городов, которую он давал по образцу греческих *κτίσεις*. Эта традиция, обогащаясь новыми элементами, продолжала жить и в последующие два века. Присмотримся к тому материалу, который дает в этом отношении Помпей Трог. Норден, только в виде дополнения к основному тексту в конце книги, следит за историей термина *origines* в римской историографии. Относительно Трога он лишь отмечает, что в прологах к «*Historiae Philippicae*» выражение *origines* встречается 27 раз, совершенно не касаясь вопроса о содержании и значении соответствующих частей труда. Это, повидимому, объясняется тем, что у Трога отсутствуют данные о древних германцах, привлекающих исключительное внимание Нордена. Даже в таблице, иллюстрирующей развитие традиции и преемственную связь отдельных авторов, Помпей Трог не нашел себе места. Между тем соответствующие экскурсы Трога представляют большой интерес и по своей многочисленности и по содержанию: «*Historiae Philippicae*» и в этом отношении—нечто единственное в римской литературе этого времени. Автор собрал обширный материал по культурной истории всего средиземноморского мира.

В первых книгах, посвященных двум первым мировым державам, ассирийской и мидо-персидской, а также истории греческих государств, давалось следующее: *origines* лидян и тусков, египетских городов, скифов, Афин, Фессалии, Пелопоннеса, Сицилии. В книгах VII—XII (время Филиппа II и Александра)—*origines* македонян, иллирийцев, пунов, гор. Византия, о. Кипра, Пафлагонии, Карию, Апулии, Луканию, самнитов, сабинян. В XIII и следующих книгах—*origines* Кирены, Родоса, Вифинии, Гераклеи, эпиротов, финикиян, венетов, галлов, греков и *Magna Graecia*, бруттиев, кельтов в Италии, о. Крита, Паннонии, Каппадокии, иудеев, Понтийского царства, Боспорского царства и холмов, Парфии и бактров, Армении, Аравии, латинян и гор. Рима, лигуров и испанцев. Таким образом, у Трога можно насчитать *origines* более 40 народов и государств. Эти *origines* составляют, несомненно, один из основных моментов в историческом содержании его произведения. Этот материал вводится обычно фразой, прерывающей изложение собственно исторических событий, например: «Но так как мы переходим к Армении, необходимо несколько глубже исследовать ее *origo*» или «Так как пришлось упомянуть о карфагенянах, следует немного сказать об их *origine*» и т. д. Порядок этих экскурсов в первоначальную историю городов, племен и царств определяется, таким образом, общей последовательностью изложения, и *origines* представляют пеструю смесь картин из этой ранней истории, в которой автор переходит от лидян и этрусков к грекам, от них к македонянам или иллирийцам, потом снова к Малой Азии и т. д. и охватывает всю экумену. К сожалению, Юстин нередко выпускал частично или полностью именно эти части «*Historiae Philippicae*».

Обычно (хотя и не всегда) прежде всего описываются природные условия страны: ее местоположение, климат, реки, горы и пр., в иных случаях (например, в описании Испании) эта часть отличается большой обстоятельностью. Далее указывается название народа и его происхождение (Эпир, Иудея, Парфия и др.). В значительной части сохранившихся *origines* важным их элементом является более или менее подробная история царей мифических и ранних исторических эпох. Эта история тесно связана с историей поселения, с объяснением того, как попали пришельцы в данную местность и как был основан город или государство. История основания города, *κτίσεις*.

ведущая свое начало от логографов, получила особенное развитие в историко-этнографической литературе IV—I вв. до н. э. у Эфора и Посидония. В истории поселения нередко рассказывается о предсказаниях. Эти предсказания обычно вначале кажутся неприятными или невероятными, но позднее исполняются в точности. Наконец, большой интерес представляют элементы истории культуры, которые содержатся в *origines*: пища и питье, одежда, образ жизни, военное дело (военный строй, оружие, ведение боя), политические учреждения, особенности социальных отношений, например, взаимоотношения рабов и свободных, специфические формы общественного быта, моральные устои, искусство предсказаний, астрономические сведения и пр. Нередко самое начало культурного развития, установление этих обычаев и появление навыков связаны с деятельностью законодателя: появляются законы, направляющие жизнь народа. Аристей в Аркадии первый научил людей пчеловодству и употреблению меда и творога, а также наблюдению над небесными светилами. В Эпире Арриба первый дал законы, организовал совет старейшин и ежегодное переизбрание должностных лиц, формы государственного управления, сделал жизнь более культурной (*vita cultior*—XVII, 3, 13). Значение деятельности законодателя, как известно, особенно подчеркивалось Посидонием, влияние которого в этом отношении, возможно через посредство Тимагена, сильно чувствуется у Помпея Трога. Понятно, что автор уделил достаточное внимание деятельности Ликурга (III, 2—3).

Но недостаточно лишь выделить отдельные элементы *origines*. Важно уяснить себе, в каком отношении находятся эти элементы к основной схеме всемирноисторического процесса у Трога, какое они занимают в ней место. Перед нами не просто картины из жизни древнейших эпох или народностей, стоящих на низкой ступени культурного развития, но противопоставление двух миров: тех отношений, которые существовали до завоеваний и возникновения обширных «*imperia*», и тех, которые характеризуют эту позднейшую стадию развития. *Origines*—это изображение первоначальных патриархальных нравов, не раз резко противопоставляемых позднему господству роскоши и жадности наживы (*luxuria* и *avaritia*). Для ранней Македонии характерны доблесть царей и трудолюбие народа (*gentis industria*). Те же черты бережливости, суровости нравов отмечает автор у луканов, которые жили по законам спартанцев. Их юноши проводят жизнь среди пастухов в лесах, не пользуясь услугами рабов (*sine ministerio servili*), не употребляют одежды, не знают городской цивилизации. Они закалены суровым образом жизни: с ранних лет их приучают к выдержке в перенесении трудов (*duritia*) и бережливости (*parsimonia*). Сходные черты сурового быта мы встречаем при описании обитателей Испании: им свойственна *dura omnibus et adstricta parsimonia* (XLIV, 2, 1). Трог дает довольно подробное описание *gentis mores*. Жители суровы, воинственны, отважны, с огромными телами, умеренны в пище и питье, отличаются доблестью. Нетрудно узнать в этом описании ту схему, которая, несомненно, связана с этнографическими экскурсами и характеристиками Посидония.

Особенно подробным и ярким является изображение жизни скифов (II, 2)¹. Это самый древний народ, сохраняющий старинные обычаи. У скифов отсутствуют межи между участками отдельных лиц, нет частного землевладения. Они не занимаются земледелием, не имеют постоянных жилищ. Главное их занятие—это скотоводство, они ведут кочевую жизнь. Пищей им служат молоко и мед, одеваются они не в шерстяные одежды, но в шкуры животных. Этому примитивному экономическому быту соответствует состояние общества и его нравов (*mores*), которые автор характеризует самым положительным образом. От природы, а не вследствие воздействия законов они живут по справедливости (*iustitia gentis*). Порядок их жизни—результат их природных на-

¹ Здесь нет возможности рассматривать вопрос об отдельных элементах этого изображения, о влиянии философских учений, предшествующей традиции о скифах и т. д. Кроме прежней литературы, см. теперь ст. Д. П. К а л л и с т о в а, Античная литературная традиция о Сев. Причерноморье, ИЗ, № 16 (1945). В настоящей работе указывается лишь связь характеристики скифов у Помпея Трога со всей его исторической концепцией, в частности с понятием *origines*.

клонностей (*ingenia*). Они презирают золото и серебро. Самым ужасным преступлением у них считается воровство. У них нет стремления овладеть чужим, жадности богатств (*divitiarum cupido*). Для этого состояния общества характерны такие моральные признаки, как воздержание (*continentia*), умеренность (*moderatio*), отсутствие стремления захватить чужое (*abstinentia alieni*). Перед нами картина золотого века в отношении общественной морали. Автор замечает, что если бы подобное состояние было теперь, то прекратились бы войны, и люди умирали бы лишь естественной смертью. Скифы создали мощное государство. Автор подчеркивает тот факт, что все попытки покорить их (со стороны Кира, Дария, Александра) кончались полной неудачей: они остались независимы от чужой власти, (*ab alieno imperio*). Скифы трижды основывают державу, но мотивы их походов другие, чем обычно у завоевателей: этим мотивом является достижение славы. Они покоряют Азию, но их политика по отношению к покоренным иная, чем у других основателей *imperia*. Другая существенная черта скифов— это их доблесть (*virtus*), которая обуславливает их победы. Им чужды захватнические стремления. Обычай (*mos*) у них заключался в том, чтобы больше охранять границы государства, чем расширять их: пределы царства включали территорию, населенную скифами.

В изложении первоначальной истории ясно сказываются политические идеалы автора. Ликург первый установил в Спарте законы, с помощью которых он побудил народ к повиновению знати (*principes*), а знать—к соблюдению справедливости при осуществлении власти (*iustitia imperiorum*). Всем гражданам он рекомендовал бережливость (*parsimonia*), полагая, что она способствует успехам и в военном деле. Выход из того первоначального состояния, которое обозначается термином *origines*, обычно связан с началом войн с соседями, о значении которых говорилось выше: с этого начинается усиление того или другого народа. Эта стадия исторического процесса представляется собой то, что автор называет *incrementa* (приращение, рост, развитие). Ясное противопоставление понятий *origo* и *incrementa* дается в главе об Афинах (II, 6, 3 сл.). Одни афиняне среди всех других народов (*gentes*) отличаются тем, что достигли вершины могущества, будучи не низкого происхождения. Они одни, в отличие от прочих, славятся не только своим усилением, но и происхождением (*Soli enim praeterquam in origine, etiam origine gloriantur*). Македония, имея скромные начатки развития (*incrementa*), достигла своей мощи (VII, 1, 2). Уже первый из македонских царей, Каран, объединив другие племена и создав как бы единое тело Македонии, положил прочную основу развития царства (*valida incrementorum fundamenta constituit*). Фивы от ничтожных начатков развития (*incrementa*) благодаря доблести Эпаминонда возымели надежду установить власть над Элладой (*imperium Graeciae*, VI, 4, 3—4). Термин *incrementa* не случаен: он встречается очень часто и в совершенно разных частях «*Historiae Philippicae*». Аппуба, царь молоссов, надеялся, выдавая замуж за Филиппа свою воспитанницу и свояченицу Олимпиаду, обеспечить этим путем дальнейший рост своего царства (*regni incrementa*), а на самом деле был лишен Филиппом власти (VII, 6, 12). Раздел сатрапий после смерти Александра между его преемниками явился для многих великой причиной роста их могущества (*magna incrementorum materia*—XIII, 4, 24). Не всегда эти первые шаги на пути могущества открывают его масштабы в будущем: Агафокл при первых своих успехах (*incrementa*) еще не надеялся на овладение всей Сицилией. Митридат в своей речи против Рима убеждает воинов не упускать случая развернуть силы (*incrementa virium*—XXXVIII, 5, 1) в борьбе против могущественного врага. Подобный толчок к развитию мощи государств дают их отношения к соседям (Египет, царство Селевкидов), которые с ненавистью наблюдают это развитие. Усилению (*incrementa*) Массилии завидуют лигуры (XLIII, 3, 13), так же как испанские племена, соседние с Гадесом, с завистью смотрят на рост могущества (*incrementa*) этого города (XLIV, 5, 2). *Incrementa* нередко приводят к широким завоеваниям и образованию державы, к огромному накоплению богатств. Можно сказать, что автор показывает не только политику основателей *imperia*, сменявших одна другую, но и то положение, которое им предшествовало и из которого они развились.

В общей исторической концепции Троя *origines* занимают, таким образом, вполне

определенное и большое место. Они характеризуют целую стадию в развитии человеческого общества, его золотой век, век господства простых, но добрых нравов, отсутствия жажды наживы, незнакомства с употреблением золота и серебра, скромного довольства своей территорией. Все это сменяется новой эпохой, изображение которой в «*Histories Philippiæ*» было уже дано выше.

В древности существовали две различные концепции развития человеческого общества. Согласно одной, период счастья и добродетели проицировался в раннюю эпоху, и все последующее представляло лишь отдельные этапы на пути к упадку, характеризующемуся гибелью старинной доблести, господством низменных страстей, взаимной борьбой противоположных интересов. Согласно другому пониманию — золотой век предстоит лишь в будущем: через горькие испытания, через кровь и страдания человечество придет к своему счастью. Наступит царство мира, покоя, любви и справедливости в человеческих отношениях, когда изменится не только жизнь человеческого общества, но и лик самой земли, когда, по выражению великого римского поэта, исчезнут змеи и ядовитые растения, когда «*omnis feret omnia tellus*» (Verg., *Ecl.* IV, 39). Нет сомнения в том, что у Трога мы находим образец очень широкой, распространенной на весь доступный ему исторический материал первой концепции. Нигде не видно, чтобы автор рассматривал период консолидации великой римской державы при Августе как наступление нового века в отношениях между людьми, как эпоху возрождения. Конечно, идея великого морального декаданса, к которому привел ход истории Римской республики, и призыв к возвращению к нравам отцов (*mos maiorum*) отнюдь не являются оригинальными: ими проникнуты едва ли не все выдающиеся памятники истории и поэзии времени падения республики. Вергилий и Гораций, Ливий и Саллюстий, Цицерон и Варрон и др. постоянно говорят об этом. Оригинальность Трога состояла не в самой этой идее, но в осмыслении им исторического материала, в увязке представления о начальном состоянии человеческого общества и стадиях последующего развития с мыслью об образовании великих держав, возникших в результате (выражаясь словами Саллюстия), «глубокой страсти к власти и богатствам» («*cupido profunda imperii et divitiarum*»).

Задача настоящей работы заключалась в выяснении лишь некоторых основных элементов исторической концепции Помпея Трога (*imperium* и *origines*).

Предметом дальнейшего исследования должны явиться определение ряда других понятий (*virtus*, *fortuna* и пр.) и сопоставление своеобразной исторической философии Трога с построениями и терминологией других авторов с целью выяснения его позиции в идеологической и социальной борьбе его времени.

К. К. Зельин